

Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова

На правах рукописи

Качурин Дмитрий Владимирович

**ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОМОНИМИИ И ПОЛИСЕМИИ
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРАКТИКЕ СОСТАВЛЕНИЯ
ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ**

Специальность 10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2014

Работа выполнена в отделе современного русского языка
Института русского языка Российской академии наук
им. В. В. Виноградова

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Крысин Леонид Петрович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Кронгауз Максим Анисимович

кандидат филологических наук, доцент
Шимчук Эмма Григорьевна

Ведущая организация: кафедра русского языка Московского
педагогического государственного университета

Защита состоится 15 мая 2014 г. в 14.00 ч. на заседании диссертационного
совета Д 002.008.01 при Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН
по адресу: 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИРЯ РАН
им. В. В. Виноградова.

Автореферат разослан « ____ » _____ 20 ____ г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

Б. Л. Иомдин

Общая характеристика работы

Омонимии в целом и лексической омонимии в особенности посвящено огромное количество работ, однако ни единодушия исследователей, ни хотя бы более или менее убедительного на фоне остальных критерия разграничения омонимов и многозначных слов нам обнаружить не удалось. На этом основании мы заключаем, что **степень разработанности** этой проблемы не настолько высока, чтобы она не становилась предметом отдельного исследования.

Отсутствие таких критериев пагубно сказывается в практике составления толковых словарей, в том числе и современных, ведёт к разнобою в подаче одних и тех же рядов значений (которые в одном словаре могут признаваться значениями одного слова и размещаться в одной словарной статье, а в другом — значениями разных слов-омонимов и подаваться в разных словарных статьях). Потому можно с достаточной уверенностью говорить об **актуальности** данной проблемы не только для лексикологии, но и для лексикографии.

В качестве **предмета** нашего исследования выступают не просто отношения полисемии и омонимии между теми или иными языковыми единицами, а их отражение в толковом словаре, с учётом того, что общетеоретическая (лексикологическая) и практическая (лексикографическая) трактовка одних и тех же случаев может быть различной (на это неоднократно указывали разные исследователи, среди которых, например, А. А. Потебня¹, Х. Касарес² и мн. др.).

Исходя из специфики предмета нашего исследования, в качестве главной **цели** работы мы постулируем выработку критериев разграничения омонимии и полисемии, а также демонстрацию применения этих критериев путём создания образцов лексикографической подачи нескольких спорных, с точки зрения омонимии/полисемии, случаев.

Для достижения этой цели мы планируем решить ряд **задач**:

— произвести обзор и анализ существующих ныне критериев разграничения омонимии и полисемии;

— сделать сравнительную выборку (из нескольких словарей) случаев, в которых одни и те же слова трактуются то как омонимы, то как многозначные слова;

— выявив наиболее убедительный критерий разграничения омонимии и полисемии, применить его к примерам из выборки;

— рассмотреть в качестве некоего «фона» для омонимов случаи «классической» полисемии, проанализировав семантическую структуру полисемантов и выявив на конкретных примерах характерные черты этого явления;

¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.; Л., 1941. Т. 4. С. 96.

² Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958. С. 27—28.

— проанализировать имеющийся массив омонимов с точки зрения их места на шкале «полисемия — омонимия»;

— отдельно проанализировать группы омонимичных пар, один из членов которых является лингвистическим термином (*род, приложение* и пр.; о причинах, по которым эта группа заслуживает особого, отдельного, рассмотрения, будет сказано ниже);

— обосновать применимость метода эксперимента и обращения к показаниям языкового сознания (ПЯС) носителей языка в работе над словарями;

— выработать (в случае надобности) особую графическую форму подачи «пограничных» с точки зрения омонимии/полисемии случаев в толковом словаре.

Новизна работы состоит в поиске нового, не применявшегося ранее, метода разграничения омонимии и полисемии, а также в разработке особых композиционно-графических приёмов подачи спорных случаев.

Помимо очевидной **практической значимости** (которая в общем следует даже из названия нашей работы), исследование обладает ещё и некоторой **теоретической ценностью**, поскольку в нём осуществляются систематизация и анализ существующих в современной науке взглядов на одну из важнейших лексикологических проблем, рассматривается вопрос о рамках применимости тех или иных критериев разграничения омонимии и полисемии, комплексно разрабатывается идея г р а д у а л ь н о с т и шкалы «полисемия — омонимия».

В исследовании взаимодействуют и дополняют друг друга два основных **метода**:

— метод семантического анализа;

— метод психолингвистического эксперимента (опрос/анкетирование).

В целом работа характеризуется преобладанием метода синхронного лингвистического описания, а также комбинацией ономаσιологического и семасиологического подходов.

Особо следует сказать об **объекте** исследования, в качестве которого выбраны омонимические пары (ряды) только существительных русского языка при условии, что хотя бы одно из них в этом ряду содержит морфологически нечленимую основу. Многозначность и омонимия в производных словах не раз становились предметом особого рассмотрения (труды П. А. Соболевой³, О. П. Ермаковой⁴ и др.), и разные исследователи неоднократно указывали на специфику каждой из групп и целесообразность их отдельного изучения.

Существительные в качестве объекта исследования были выбраны, поскольку, по свидетельству В. В. Виноградова⁵ и М. И. Фоминой⁶,

³ Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980. 294 с.

⁴ Ермакова О. П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. М., 1977.

⁵ Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 10.

⁶ Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. Учеб. для филол. вузов. М., 1990. С. 72.

непроизводные омонимы наиболее часто встречаются как раз среди имён существительных. Кроме того, пласт существительных особенно удобен для тестирования метода психолингвистического эксперимента, который мы применяем в нашем исследовании.

На защиту выносятся следующие **положения**:

— проблема разграничения омонимии и полисемии по сей день не получила окончательного решения в лексикологии и лексикографии;

— единственный критерий, которым мы можем пользоваться при разграничении омонимии и полисемии, — критерий собственно семантический, причём применяемый с точки зрения синхронии;

— в языковой реальности имеет место шкала семантической связи между двумя значениями, крайними точками которой являются омонимия и полисемия, и значительная часть рассматриваемых явлений распределяется между этими полюсами;

— для объективной характеристики явлений с точки зрения омонимии/полисемии не просто можно, но и необходимо использовать показания языкового сознания носителей языка;

— имеющиеся в современной лексикографии методы подачи значений не могут адекватно отразить некоторые существующие явления и потому нуждаются в дополнении и корректировке.

Апробация работы. По теме диссертации автором опубликованы 5 статей, в том числе 3 — в журналах, реферируемых ВАК. Промежуточные результаты диссертационного исследования были представлены на 58-й (2009 г.) и 59-й (2010 г.) научных студенческих конференциях ПГПУ им. В. Г. Белинского (г. Пенза).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка литературы, списка сокращений и приложений.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность и новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, очерчиваются его предмет и объект, формулируются основные цели и задачи.

Глава 1 — «Различные трактовки термина “омоним” и история вопроса» — представляет собой комплексный обзор накопленных к настоящему моменту в лингвистической науке точек зрения относительно разных сторон рассматриваемого явления.

В § 1 анализируются трактовки термина «омоним», предлагавшиеся разными исследователям. Предельно общее понимание омонимов как единиц языка, совпадающих по форме, но различных по содержанию, и омонимии как «тождества поверхностных структур при различии глубинных»⁷ должно конкретизироваться в зависимости от целей и предмета исследования (что именно в форме должно совпадать? что именно в содержании должно

⁷ Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980. С. 90.

различаться? насколько сильным должно быть это различие?). Исходя из специфики наших предмета и проблематики, в качестве рабочего мы приняли следующее определение: омонимы — это слова, не имеющие в своих лексических значениях «нетривиальных» (термин Ю. Д. Апресяна) общих компонентов, словарные формы которых совпадают в своей фонетической и графической форме.

Нерешённым остаётся и вопрос классификации омонимов, который затронут нами в § 2. Мы рассматриваем несколько классификаций, предлагавшихся разными учёными (Л. А. Булаховским⁸, Н. П. Колесниковым⁹, О. С. Ахмановой¹⁰ и др.), и приходим к выводу, что омонимы могут быть классифицированы по самым разным признакам (происхождение омонимов, идентичность написания, идентичность звучания и пр.). В нашем исследовании мы распределяем омонимы по группам в зависимости от причин возникновения омонимии (этому посвящена Глава 3).

§ 3 содержит критический обзор критериев разграничения омонимии и полисемии, предлагавшихся разными исследователями (который предваряется анализом теории омонимического конфликта, занимающей значительное место в истории изучения омонимов).

1. Историко-этимологического подхода придерживались В. И. Абаев, О. Н. Трубачёв, В. Н. Сидоров и др. Его сторонники считали правильным распространять термин «омонимия» только на слова, формальное совпадение которых является случайным (*брак* ‘супружество’ (от *братъ*) — *брак* ‘изъян’ (от нем. *Brack*), а те значения, которые когда-то принадлежали одному слову, даже при значительном семантическом расхождении, подавать в словарях как значения одного полисеманта, в одной словарной статье (*колода* — 1) ‘бревно’ — 2) ‘комплект карт’).

2. При различиях в словоизменительных парадигмах (*час/часы I* ‘единица измерения времени’ — *-/часы II* ‘прибор для измерения времени’) предлагалось констатировать омонимию, даже несмотря на очевидные семантические пересечения (А. И. Смирницкий, Л. А. Новиков и др.).

3. О разных словообразовательных дериватах и различиях в синтаксической и лексической сочетаемости как о показателях омонимии говорили М. Г. Арсеньева, Л. А. Новиков и др. (на этом основании *козёл* ‘животное’ и *козёл* ‘гимнастический снаряд’ — омонимы, поскольку только от первого из них возможен дериват *козлинный*).

4. Разная морфемная членимость (*завод* ‘предприятие’ — *за-вод-Ø* ‘действие по глаголу *заводить*’) рассматривалась Л. А. Новиковым, О. С. Ахмановой, Л. Л. Кутиной и др. как гарантия омонимических отношений.

5. Совпадение синонимических (и антонимических) рядов признавалось показателем многозначности Ш. Балли, Е. М. Галкиной-Федорук,

⁸ Булаховский Л. А. Из жизни омонимов. Сб. «Русская речь». Т. 3. Л., 1928. С. 49.

⁹ Колесников Н. П. Словарь омонимов русского языка. Тбилиси, 1978. С. 7—8.

¹⁰ Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. М., 1976. С. 6—7.

Н. К. Жученко. Согласно этому критерию, в сочетаниях *гнездо птицы* и *гнездо человека* употреблено одно слово в разных значениях (общий синоним — *жилище*), а в сочетаниях *золотой ключ* и *из земли бьёт ключ* — слова-омонимы (разные синонимы — *отмычка* и *родник*).

6. Поднимался вопрос и о возможности использования перевода сомнительных единиц на другие языки (в частности, его рассматривала Н. В. Дубынина¹¹): согласно такому подходу, *ключ* ‘отмычка’ и *ключ* ‘родник’ — омонимы, потому что первое переводится на английский язык *key*, а второе — *spring*.

7. Д. Н. Шмелёв считал, что употребление различных значений одного слова позиционно обусловлено контекстом, чего нельзя сказать об омонимах¹².

8. Неоднократно звучала мысль о том, что возможность каламбурного использования характеризует только члены омонимической пары, но не значения одного слова (*брак* ‘супружество’ и *брак* ‘изъян’ — омонимы, потому что возможен каламбур *хорошую вещь браком не назовут*).

9. Критерий отнесённости слова к разным объектам действительности как конституирующий омонимию предлагали, в частности, В. П. Тимофеев и А. А. Уфимцева (*фрукт* ‘плод’ и *фрукт* ‘человек’ — омонимы, поскольку называют не связанные друг с другом в реальности объекты).

10. Не раз предлагался комбинированный подход (В. В. Виноградов, Л. А. Новиков и др.).

11. Большинство лексикологов склоняется к использованию собственно семантического критерия: при наличии семантических связей между значениями следует говорить о полисемии, при отсутствии таковых — об омонимии. Однако на самый главный при таком подходе вопрос «На основании чего можно постулировать семантическую связь?» также давались различные ответы.

Л. А. Новиков предлагал при решении этой проблемы анализировать каждую пару слов на наличие/отсутствие промежуточного звена (*бумага* ‘писчий материал’ и *бумага* ‘хлопчатая ткань’ в данный момент являются омонимами потому, что сейчас отсутствует значение ‘материал для письма из хлопчатника’); в русле компонентного анализа этот вопрос рассматривали Ю. Д. Апресян и М. Д. Якубовская, говоря о том, что для существования семантической связи важно не только наличие общих сем, но и их высокий статус в семантической структуре каждого значения; наконец, неоднократно звучала идея использования критерия регулярности/нерегулярности переноса (Анна А. Зализняк, О. С. Ахманова, П. А. Соболева и др.): к примеру, перенос ‘название птицы’ — ‘характеристика человека’ обнаруживает себя внутри слов *орёл*, *сокол*, *дятел*, *касатка* и др., потому в каждом из этих случаев мы имеем одно многозначное слово.

¹¹ Дубынина Н. В. Проблема разграничения полисемии и омонимии в двуязычной лексикографии... // Филологические науки. 2005. №3. С. 69—79.

¹² Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973. С. 86.

Мы также считаем правильным руководствоваться в лексикографической практике именно с е м а н т и ч е с к и м критерием по трём причинам: 1) ни один из других приведённых критериев не обладает свойством универсальности (не может быть применён абсолютно ко всем спорным случаям); 2) в случае использования любого из этих критериев ряд решений о статусе тех или иных единиц будет противоречить интуитивным представлениям о тех же единицах (скажем, *ключ* ‘отмычка’ и *ключ* ‘родник’ нужно будет признать значениями одного слова, потому что они имеют один и тот же адъективный дериват — *ключевой*, а *дом* ‘постройка’ и *дом* ‘жилище’ — омонимами, поскольку они имеют разные дериваты — *домовый* и *домовитый* соответственно); 3) в одной словарной статье (то есть как многозначное слово) должно подаваться то, что для читателя имеет больше общего, чем различного, а учитывая, что речь идёт о толковом словаре, семантическое тождество следует признать важнее формально-грамматических различий.

Главный вывод, к которому мы приходим в первой главе, таков: подавать в словаре те или иные значения внутри одной словарной статьи следует в том случае, если рядовой носитель языка обнаруживает «нетривиальную» (термин Ю. Д. Апресяна) связь между ними. И только если сама эта связь обнаружена, этот перенос можно характеризовать как регулярный или нерегулярный.

Вторая глава **«Семантическая структура многозначного слова»** посвящена семантическому анализу нескольких исконных полисемантов (*дом*, *язык*, *свет*, *мир*).

В § 1 обзорно рассматриваются существующие на сегодняшний день основные концепции многозначности слова, и в результате этого рассмотрения мы приходим к двум основным выводам: 1) между производным и производящим семантическими образованиями обязательно наличие общего компонента либо в структуре значения, либо на уровне «прототипической ситуации»¹³; 2) всю совокупность семантических переносов целесообразно разделить на три большие группы, которые включают в себя метафорический, метонимический и гипонимический (*машина* ‘механическое устройство’ — *машина* ‘автомобиль’) переносы.

В результате семантического анализа слова *дом* (§ 2) мы смогли на практике убедиться в справедливости выводов, полученных в первой главе. Несмотря на разные словообразовательные дериваты (*дом* ‘здание’ — *домовый*, *дом* ‘жилище’ — *домовитый*), на то, что слово в разных значениях имеет разные синонимы (*дом 1* — *здание*, *дом 6* — *род*), на то, что денотаты разных значений имеют совершенно различную предметную отнесённость (ср. *дом* ‘постройка’ и *дом* ‘своя территория в играх’), на разные грамматические характеристики слова в разных значениях (*дом* ‘постройка’ — конкретное существительное, *дом* ‘семья’ — собирательное) и пр., ни один из словарей не фиксирует омонимического ряда. Действительно, все семантические переносы

¹³ См. об этом: Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. С. 197.

между значениями этого слова представляются понятными, семантические связи ничем не затемнены, образованы по продуктивным моделям, поэтому слово сохраняет свою семантическую целостность.

Подкрепляется семантическое тождество и наличием в языке фразеологизмов, в которых собственно идиоматическая трактовка фразеологизма, сопряжённая с определённой трактовкой интересующего нас слова, опирается на буквальную (поэлементную) трактовку той же идиомы, которая, в свою очередь, предполагает использование того же полисеманта в ином, более буквальном, значении (к примеру, *закрывать двери дома*).

Таковую же роль для сохранения семантического тождества слова *язык* играют такие фразеологизмы, как *держат язык за зубами*, *прикусить язык*, *длинный язык* и др. (анализу этого слова, а также слов *свет* и *мир* посвящён § 3 Главы 2). Тем не менее, несмотря на наличие этих идиом, а также очевидных метонимических переносов ‘орган’ — ‘речь (которая создаётся в том числе с помощью такого органа)’ и ‘речь’ — ‘народ (характеризующийся наличием особой речи)’ (ср.: *И назовёт меня всяк сущий в ней язык*), внутри данного слова мы можем констатировать начавшийся процесс омонимизации (что отражается некоторыми толковыми словарями).

Следует указать три причины этого процесса. Первая из них — экстралингвистическая: *язык 1* утрачивает своё «монопольное» положение единственного инструмента для создания речи (*языка 2*) (ср. *язык жестов*, *письменный язык* и др.). Вторая причина, собственно семантическая, состоит в том, что два указанных значения «обросли» целым комплексом производных, и семантическая дистанция внутри этих «пучков» (скажем, между значениями ‘орган’ — ‘нечто имеющее форму этого органа’ (*языки пламени*) или ‘речь’ — ‘стиль’ (*язык Пушкина*)) значительно меньше, чем между значениями ‘орган’ и ‘речь’, в силу чего эти последние воспринимаются как менее прочно связанные. В-третьих, этот «пучок» значений (в основе которого лежит значение ‘речь’) соотносится с очень важным и сложным культурологическим конструктом, который, ввиду своего семантико-денотативного «веса», стремится к полной автономности. Тем не менее, на наш взгляд, эти «разъединяющие» силы пока не привели к разрушению семантического тождества слова *язык*.

Этого нельзя сказать об омонимах *свет* ‘лучистая энергия’ и *свет* ‘земля, населяющие её люди’. Очевидных семантических совпадений между этими двумя значениями не обнаруживается; кроме того, каждое из этих слов обозначает понятие, которое имеет очень большой концептуально-аксиологический вес. Единственное, что сближает эти два значения, — идиома *весь белый свет* (на это обращает внимание А. Я. Шайкевич¹⁴), но одного этого фактора, безусловно, недостаточно для того, чтобы говорить в данном случае о полисемии.

¹⁴ Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику. Учеб. пособ. для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. М., 2005. С. 142.

С другой стороны, наличие такой идиомы делает *свет*¹ и *свет*² менее омонимичными, чем, скажем, *мир* ‘вселенная’ и *мир* ‘спокойствие’. В этой паре распад полисемии произошёл, вероятно, раньше, чем в паре *свет*¹ — *свет*², и даже минимального сближения значений хотя бы в отдельных идиомах не прослеживается.

В свете сказанного расположение рассмотренных слов на шкале «полисемия — омонимия» нам представляется таким:

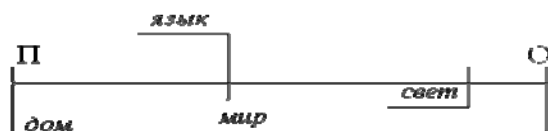

Рис. 1. Исконные полисеманты на шкале «полисемия — омонимия»

Таким образом, уже на этих примерах мы убеждаемся в том, что деление неоднозначных единиц на омонимы и многозначные слова в значительной степени условно, поскольку те или иные пары слов могут быть омонимичны «в большей или меньшей степени» и располагаться между «классическими» омонимами и полисемантами. На положение той или иной пары на шкале, помимо семантической связи между её членами, могут влиять и другие, дополнительные, факторы: наличие включающих эти слова фразеологических оборотов с прозрачной внутренней формой, а также концептуально-аскиологический объём обозначаемых понятий.

Разработка этой идеи продолжается в третьей главе, «**О градуальности шкалы “полисемия — омонимия”**», в которой мы анализируем более обширный массив омонимических рядов¹⁵, оценивая силу семантической связи внутри них и располагая их на указанной шкале.

В § 1 данной главы мы отмечаем, что тезис о «градуальности» шкалы «полисемия — омонимия», который неоднократно выдвигали разные учёные (В. В. Виноградов, А. А. Реформатский, Л. А. Новиков, Д. Н. Шмелёв, М. Д. Якубовская и мн. др.), можно считать доказанным, но при составлении толковых словарей подобная теоретическая установка не находит своего отражения и по-прежнему практикуется «дискретный» способ подачи материала: либо многозначность, либо омонимия.

Мы полагаем, что такое положение вещей можно признать нормальным только в том случае, если омонимические ряды, рассортированные по группам (принцип сортировки — в зависимости от причин возникновения омонимии), располагаются на шкале так, что каждая группа занимает на этой шкале более или менее определённое, компактное место (а сами группы, таким образом, не пересекаются, и всегда можно сказать, что группа X «омонимичнее» группы Y). Вопрос, где проводить в этом случае грань, разделяя группы омонимов и полисемантов, всё равно остался бы довольно трудным, однако всё же в

¹⁵ Здесь и далее под «омонимическим рядом» мы понимаем ряд из двух и более значений, которые поданы как значения разных слов-омонимов хотя бы в одном из четырёх использовавшихся нами для выборки словарей.

большей степени техническим и методическим, допускающим введение некоей «договорённости» типа «группа X и все группы “правее” её на шкале — омонимия, всё, что “левее”, — полисемия». Если же дисперсия представителей рассматриваемых групп по шкале окажется значительной, это будет, во-первых, означать, что лексикографирование каждого конкретного случая будет требовать индивидуального подхода (вне зависимости от причин возникновения омонимии), во-вторых — доказывать целесообразность введения в толковых словарях третьего способа подачи для «промежуточных случаев».

В § 2 подробно описываются принципы, по которым мы осуществляли выборку материала: из двух толковых словарей (Толкового словаря русского языка под ред. Н. Ю. Шведовой; Большого толкового словаря под ред. С. А. Кузнецова) и двух словарей омонимов (под ред. О. С. Ахмановой и Н. П. Колесникова) мы брали только те пары (ряды) значений, которые соответствуют следующим условиям: 1) все слова в ряду являются именами существительными, 2) хотя бы одно из них морфемно нечленимо, 3) хотя бы один из названных словарей трактует эти значения как омонимичные и 4) все рассматриваемые значения наличествуют в двух толковых словарях.

Из выявленных 364 омонимических рядов только в 197 случаях (54 % от общего числа) четыре указанных словаря дают единообразную трактовку (трактовки двух толковых словарей полностью совпадают лишь в 71 % случаев).

§ 3 посвящён непосредственно анализу различных групп омонимических рядов, и этот обзор мы начинаем с омонимических рядов, представители которых **заимствованы из разных языков** (*бар* ‘ресторан’ (из англ.) — ‘единица давления’ (из франц.), *фон* ‘основной цвет; задний план’ (через нем. и франц. из лат.) — ‘единица уровня громкости’ (из греч.) и др.). Это абсолютно случайные совпадения в одной форме различного содержания, так сказать, омонимы «в чистом виде». Тем не менее, среди таких рядов обнаруживаются как минимум два случая, где можно говорить о семантических контактах внутри каждой из пар: *лава* ‘минеральная масса, изливающаяся из вулкана’ — ‘род казачьей атаки’ (возможен метафорический перенос по функциональному сходству) и *шериф* ‘полицейский’ — ‘почётное звание лица, считающегося потомком Мухаммеда в исламе’ (метафорический перенос, основой для которого служит сема ‘важный, уважаемый’ (человек)). Более убедительна первая из приведённых мотивировок, однако и вторая имеет право на существование, потому мы бы расположили омонимические ряды этой группы на шкале приблизительно так:

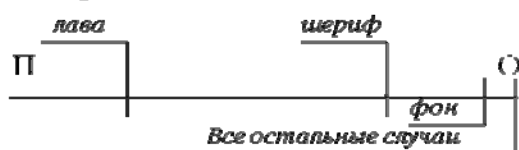

Рис. 2. Омонимы, заимствованные из разных языков, на шкале «полисемия — омонимия»

В следующую группу мы объединяем омонимические ряды, в каждом из которых **оба омонима также были заимствованы из разных языков**, при этом хотя бы **один из этих омонимов был заимствован при посредстве того языка, из которого был заимствован другой омоним**. Приведём примеры таких рядов: *бокс* ‘вид спорта’ (из англ.) — ‘изолятор для больных; коробка’ (через англ. из лат.); *мат* ‘положение в шахматах’ (через нем. из араб.) — ‘род поверхности’ (из нем.), *такса* ‘расценка’ (через нем. из лат.) — ‘порода собаки’ (из нем.), *фокус* ‘точка пересечения лучей; средоточие, центр’ (через нем. из лат.) — ‘трюк’ (из нем.), *шпик* ‘сало’ (через польск. из нем.) — ‘шпион’ (из польск.) и др. В большинстве случаев русский язык как бы заимствует саму омонимию, однако далеко не всегда: слово *вольт*¹ ‘поворот в манежной езде, уклонение от удара’ было заимствовано из французского языка, а слово *вольт*² ‘единица измерения напряжения’ — из итальянского через посредство французского. Однако во французском языке первое слово имеет написание *volte*, а второе — *volt*, то есть омонимии в полном смысле этого слова не было, и в русском языке она появилась вследствие фонетической, графической и грамматической адаптации слов.

В данной группе, как и в предыдущей, в большинстве случаев все совпадения по форме априори случайны, однако и здесь в некоторых парах мы можем обнаружить семантическую связь. К их числу относятся *газ* ‘состояние вещества’ (через франц. из греч.) — ‘лёгкая прозрачная ткань’ (из франц.; от названия города Газа) (метафорический перенос гиперболического плана на основании внешнего сходства по признаку «прозрачности»; ср.: *дымка* ‘туман’ — ‘ткань’), а также *флюс* ‘заболевание десны или надкостницы’ (из нем., где является калькой с греч.) — ‘вещество, добавляемое в шихту’ (из нем.) (сходство прототипических ситуаций: в обоих случаях некое текучее вещество заполняет некое пространство).

Рассмотренные единицы на шкале располагаются так:

Рис. 3. Омонимы, хотя бы один из которых заимствован из другого языка, а другой — при посредстве этого языка, на шкале «полисемия — омонимия»

В следующей группе омонимических рядов, **каждый из которых содержит исконно русское слово и заимствованное** (*брак* ‘супружеские отношения’ — ‘изъян’ (из ср.-в.нем.), *горн* ‘печь’ — ‘музыкальный инструмент’ (из нем.), *рок* ‘судьба’ — ‘музыка’ (из англ.) и др.), семантическое сходство

между значениями нам удалось обнаружить только в парах *вал* ‘насыпь’ (из лат.) — ‘волна’ и *люлька* ‘колыбель’ — ‘трубка’ (из тюрк.), внутри которых возможен метафорический перенос по сходству формы.

Часто исконно русское и заимствованное слова различаются не только семантикой, но и морфемной структурой: русское членится на морфемы, а заимствованное — нет (*би-ч* ‘кнут’ — *бич* ‘опустившийся человек’ (из англ.), *лат-Ø-а* ‘вознаграждение’ — *лат-а* ‘диэлектрическая пластина’ (из англ.) и др.). На схеме мы располагаем подобные случаи правее полюса омонимии, тем самым показывая, что они как бы «омонимичнее абсолютных омонимов»:

Рис. 4. Омонимы, один из которых заимствован, а другой является исконно русским, на шкале «полисемия — омонимия»

Группа омонимов, заимствованных из одного языка, является, пожалуй, самой неоднородной по составу.

В ней также имеют место случаи, когда собственно омонимия возникла в русском языке, в результате освоения последним иноязычных слов, например, *кулон* ‘украшение’ (из франц. *coulant*) — ‘единица количества электричества’ (из франц. *coulomb*).

Что касается тех омонимов, которые восходят к одному этимону, то теоретически логично было бы предположить, что степень разрыва семантических связей должна быть тем больше, чем, во-первых, большее количество языков-посредников проходит этимон перед тем, как попасть в русский, во-вторых (и это более значимый фактор) — чем менее полно заимствуется семантическая структура этимона. К примеру, в латинском у слова *disciplina* имелось общее значение ‘наставление, воспитание’ и производные от него ‘порядок’ и ‘учебный предмет’. Русским языком были заимствованы только последние два, без связующего между ними звена, именно поэтому в русском языке они семантически автономны и омонимичны. С другой стороны, *курс* ‘направление’ — ‘цикл изучения, обучения’ являются скорее значениями одного слова, чем омонимами, как раз в силу того, что первое значение является очень общим (а потому обладающим сильным деривативным потенциалом и обуславливающим второе значение) и почти в точности соответствующим значению латинского *cursus* ‘путь, течение’, которое и явилось первоисточником.

Однако на практике имеют место значительные отступления от этой тенденции. Во-первых, следует иметь в виду экстралингвистический фактор: *роль* ‘образ, воплощаемый актёром; текст для актёра’ и ‘свёрток цилиндрической формы’ остались бы омонимичными в русском языке, даже если бы было заимствовано значение ‘нечто круглое’, которое было у лат.

rotundus, поскольку роли для актёров уже не пишутся на свитках круглой формы, как писались когда-то (почему и получили соответствующее название).

Во-вторых, в отдельных случаях мы можем обнаружить семантические связи между значениями заимствованных слов, хотя в русском языке отсутствует то более общее, объединяющее, значение, которое было у этого слова в языке, из которого началось заимствование. Так, значения ‘южное дерево и его плод’ и ‘камень’ вполне можно считать значениями одного слова *гранат* (метафорический перенос, основанный на внешнем сходстве: камень похож на фрукт своей структурой), хотя в русском языке отсутствует значение ‘зернистый’, которое было в латинском у слова *granatus*.

В-третьих, в ряде случаев, несмотря на то что фрагмент семантической структуры этимона был заимствован полностью, обнаружить семантические связи именно в русском языке всё равно затруднительно: *бунт* ‘восстание’ — ‘связка, кипа’ (из нем. *Bund* ‘связка, союз’), *танк* ‘машина’ — ‘контейнер’ (от англ. *tank* ‘бак, цистерна’). Речь идёт об одних и тех же денотатах, но в языковом сознании носителей разных языков выделяются разные их стороны и в соответствии с этим выбираются разные пути номинации (к примеру, *танк*¹ для носителей русского языка — это большая стреляющая гусеничная машина, но вряд ли «машина, в основу конструкции которой положен *танк*²»).

Единицы рассматриваемой группы мы расположили на шкале следующим образом (правее полюса омонимии мы размещаем омонимы, которые совпали по форме только в русском языке):

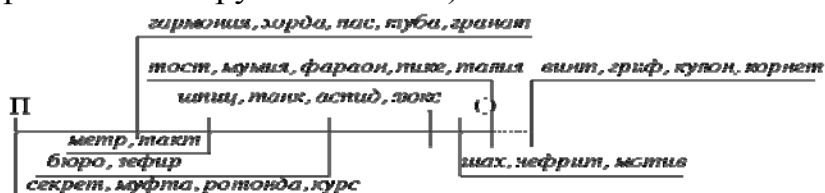

Рис. 5. Заимствованные омонимы, восходящие к одному иноязычному слову (корню) или заимствованные из одного языка, на шкале «полисемия — омонимия»¹⁶

Последней рассмотренной нами в числе групп, где омонимия возникла в результате заимствований, стала группа омонимических рядов, **в составе каждого из которых есть семантическая калька**: *вкус* ‘восприятие того, что

¹⁶ *Секрет* ‘тайна’ — ‘сторожевой пост’; *муфта* ‘предмет одежды’ — ‘устройство для соединения цилиндрических частей машины’; *ротонда* ‘здание с куполом’ — ‘женская одежда’; *гармония* ‘созвучие, стройность’ — ‘гармонь’; *хорда* ‘прямая, соединяющая две точки кривой’ — ‘скелетная ось’; *пас* ‘передача мяча партнёру’ — ‘пропуск хода в карточной игре’; *туба* ‘большой тубик’ — ‘музыкальный инструмент’; *метр* ‘единица измерения’ — ‘стихотворный размер; система организации музыкального ритма’; *такт* ‘ритм, метрическая музыкальная единица’ — ‘чувство меры, правильное понимание и поведение’; *шпиц* ‘шпиль’ — ‘собака’; *аспид* ‘змея’ — ‘род сланца’; *люкс* ‘единица освещённости’ — ‘что-л. роскошно оборудованное’; *шах* ‘титул монарха’ — ‘нападение на короля в шахматах’; *нефрит* ‘болезнь почек’ — ‘камень’; *мотив* ‘причина’ — ‘напев, часть сюжета’; *винт* ‘металлический стержень с резьбой’ — ‘карточная игра’; *гриф* ‘птица’ — ‘штемпель’; *корнет* ‘офицерский чин в кавалерии’ — ‘музыкальный инструмент’.

съедается’ — ‘чувство прекрасного’ (от франц. *gout*), *звоздь* ‘металлический стержень’ — ‘самое значительное, инетресное’ (от франц. *clou*), *глава* ‘голова’ — ‘раздел книги’ (из ст.-слав., где второе слово является калькой греч. *kephalē*), *рак* ‘животное’ — ‘опухоль’ (от лат. *carcer*, которое, в свою очередь, явилось калькой греч. *carcinoma*), *стопа* ‘часть ноги’ — ‘единица стиха’ (от греч. *posi* или лат. *pes*), *тьма* ‘отсутствие света’ — ‘множество’ (от тюрк. *tuman*), *узел* ‘место связи’ — ‘единица скорости’ (калька англ. *knot*). Здесь же мы отмечаем пару *среда* ‘совокупность условий’ — ‘день недели’ (однако калькирование с др.-в.-нем. *mittawēcha* (букв. — ‘середина недели’) происходило от утраченного теперь в русском языке значения ‘нечто находящееся в середине’ к значению ‘день недели’).

Причины того, что в языке-источнике два значения «уживались» в одном слове, а в русском языке мы говорим об их разобщённости, различны: экстралингвистические в случае *узел*^{1,2} (метод определения скорости с помощью верёвки и завязанных на ней узлов ушёл в прошлое) и, скажем так, «этносемантические», то есть связанные с наличием промежуточного звена в языке-источнике и его отсутствием в заимствующем языке (в греческом у слова *kephalē* было ещё и значение ‘верх списка’), а также с особенностями мировосприятия и номинации у носителей разных языков во всех других случаях.

Ряды этой группы располагаются на шкале так:

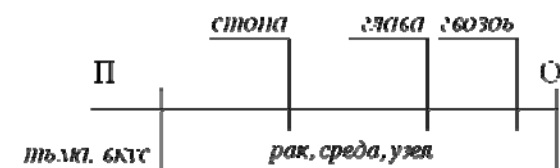

Рис. 6. Омонимические ряды, в которых один из омонимов является семантической калькой, на шкале «полисемия — омонимия»

Обзор рядов, в которых омонимия возникла в русском языке, мы начинаем с тех, члены которых совпали по форме случайно и на более ранних этапах развития языка различались или же мотивируются в синхронии разными словами. Это абсолютные омонимы. К их числу относятся следующие ряды: *рысь* ‘животное’ (от **rydsъ* (букв. ‘рыжая’)) — ‘манер лошадиного бега’ (восх. к *рысть* (тому же корню, что *ристати* ‘бегать’)); *косуля* ‘животное’ (первонач. *козуля*) — ‘соха’ (от *косой*); *полка* ‘мебель’ (от слова *пол* ‘доска’) — ‘действие по глаголу *полоть*’; *струг* ‘инструмент для строгания’ (восх. к корню **strig*) — ‘судно’ (восх. к тому же корню, что и слова *струя*, *остров*, — **strou*); *точка* ‘знак препинания’ (от *ткнуть*) — ‘действие по глаголу *точить*’; *шип*¹ ‘колючка’, *шип*² ‘рыба’ — *шип*³ (от *шипеть*) и некоторые другие.

Не так однородна с точки зрения силы семантических связей группа рядов, где омонимия возникла вследствие экстралингвистических причин: *дача*¹ (от *давать*) — *дача*² ‘загородный дом’ (*дача*¹ сейчас не обязательно даётся за какие-то заслуги); *двор*¹ ‘участок земли при доме’ — *двор*² ‘монарх и его

окружение' (право на власть страной уже не связано с земельным владением); *лавка*¹ 'скамья' — *лавка*² 'торговое место' (когда-то *лавка*¹ была обязательным атрибутом *лавки*²); *опока*¹ 'рама для земляных литейных форм' — *опока*² 'горная порода' (с развитием технологий *опока*¹ стала изготавливаться не только из *опоки*²); *палата*¹ 'богатое помещение; комната в больнице' — *палата*² 'госучреждение, представительный орган' (изначально совет по важным делам проводился в царской *палате*¹); *перо*¹ 'роговое образование кожи у птиц' — *перо*² 'орудие для писания чернилами' (*перо*¹ уже давно не служит материалом для изготовления *пера*²); *прокат*¹ 'предоставление чего-либо во временное пользование' — *прокат*² (от *прокатывать*) (первоначально в *прокат*¹ давалась только колёсная техника, которую можно было в буквальном смысле *прокатить*); *чубук*¹ 'курительная трубка' — *чубук*² 'черенок винограда' (*чубук*¹ сейчас делается не только из *чубука*²).

Несмотря на то, что утрачена реалия, смысловые связи внутри этих рядов могут возникать либо вследствие того, что представление об этой, пусть и исчезнувшей, реалии, ещё живо в сознании рядового носителя языка (как, например, в парах *палата*^{1,2}, *перо*^{1,2}), либо ввиду наличия в денотатах других признаков, которые могут выступать как мотивирующие (*чубук*¹ внешне похож на *чубук*²). При учёте этих факторов расположить названные ряды на шкале следует так:

Рис. 7. Ряды, семантическая дивергенция в которых обусловлена действием экстралингвистических причин, на шкале «полисемия — омонимия»

Омонимия может возникать и по причине **утраты значения, которое выступало как промежуточное, объединяющее звено**. К примеру, слово *угорь* когда-то обладало, наряду со значениями 'рыба' и 'воспалённый бугорок на коже', ещё и значением 'червь' (семантическая связь которого с современными значениями очевидна). Последнее утратилось, и полисемант распался на омонимы. Приведём примеры других рядов этой группы, в скобках указывая утраченные «промежуточные» значения: *вертеп* 'притон' — 'кукольный театр в виде ящика' ('пещера'); *ворот* 'воротник' — 'грузоподъёмная машина' ('шея'); *живот* 'часть тела' — 'жизнь' ('нажитое'); *липа* 'дерево' — 'фальшивка' ('сок липы' и 'склеенные с помощью такого сока карты'); *мех* 'волосняной покров' — 'мешок из шкуры животного' ('шкура животного'); *пол* 'настил' — 'гендерная отнесённость' ('раскалывать, расколотое' и 'доска'), *склянка* 'небольшой сосуд' — 'промежуток времени' ('стеклянные песочные часы на корабле'), *стол* 'предмет мебели' — 'престол' ('стул'), *страсть* 'влечение' — 'страх' ('страдание'), *штык* 'холодное колющее оружие' — 'слой земли, захватываемый лопатой' ('металлическая часть лопаты').

В большинстве случаев восстановить семантическое звено без знания этимологии практически невозможно (*пол*^{1,2}), хотя в некоторых рядах оно довольно легко реконструируется (*штык*^{1,2}). Приведённые ряды на шкале располагаются так:

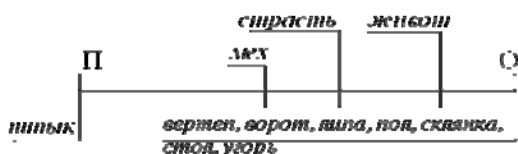

Рис. 8. Омонимия, развившаяся на базе многозначности вследствие утраты промежуточного звена, на шкале «полисемия — омонимия»

К только что представленной тесно примыкает группа, которая включает ряды, характеризующиеся **утратой промежуточного звена** (а точнее говоря, **утратой семантической связи с ним**), в роли которого выступает другое, однокоренное с рассматриваемыми, слово.

Члены пар *гвоздика* ‘цветок’ — ‘пряность’, *дробь* ‘мелкие шарики для стрельбы’ — ‘число, представленное как состоящее из частей единицы’ — ‘частые прерывистые звуки’, *лишай* ‘болезнь’ — ‘растение’, *моль* ‘бабочка’ — ‘лес, сплавляемый связанными брёвнами’, *полоз* ‘часть саней’ — ‘змея’, *стан* ‘туловище’ — ‘лагерь’ — ‘машина’, *удел* ‘отдельно управляемая часть княжества’ — ‘судьба’, *устав* ‘нормативный документ’ — ‘вид письма’ утратили (или почти утратили) семантическую связь с когда-то мотивировавшими их словами (*дробить*, *делить*, *лихой*, *мелкий* и пр.) и перестали быть их словообразовательными дериватами. Однако сразу в двух рядах возможно усмотреть нетривиальную семантическую связь: *лишай*¹ и *лишай*² обладают внешним сходством, а *устав*² — это особый род письма, отличающийся от скорописи и полуустава более строгими требованиями к написанию знаков, «как бы предписанный каким-то *уставом*¹». Именно поэтому два этих ряда, в отличие от других, расположены на шкале левее полюса омонимии:

Рис. 9. Омонимия, развившаяся по причине исчезновения семантической связи между производящим и производными, на шкале «полисемия — омонимия»

Если же только одно из слов в паре потеряло свою членимость, а другое сохранило (*баб-к-а*¹ ‘бабушка’ — *бабка*² ‘сустав ноги у животных’; *сач-ок*¹ ‘конусообразная сетка’ (от *сак*) — *сачок*² ‘бездельник’ и др.), то в этом случае с очень высокой вероятностью можно постулировать абсолютную омонимию.

Значительную по объёму группу слов составляют омонимические ряды, в которых произошла **актуализация одних сем и нейтрализация других, изменение их статуса**. Эта группа является самой спорной с точки зрения её

лексикографирования и самой эклектичной по составу: в одних случаях положенное в основу номинации внешнее сходство (причём зачастую довольно общее) становится не таким важным, как функциональный аспект (*боров*¹ ‘самец свиньи’ — *боров*² ‘часть дымохода’), в других случаях слово в одном из значений становится термином (или номеном) той или иной науки, возникает некий диссонанс между значимостью признака, который лёг в основу номинации, в наивной картине мира, и его второстепенной ролью в научной картине мира, которая постоянно развивается. Так, заболевание *сан*², действительно, может характеризоваться сопением (то есть *саном*¹), но, во-первых, далеко не всегда, во-вторых, есть и другие, более важные, признаки этого заболевания, открытые медициной и ветеринарией; *хлыстами*² (‘последователями хлыстовства’) используются *хлысты*¹ (‘прутья’) для ритуала самобичевания, но этот ритуал не единственный в их быту и куда важнее знать, каких верований и убеждений они придерживаются, чтобы составить о них полное и адекватное представление.

Эклектична эта группа и с точки зрения расположения её членов на шкале:

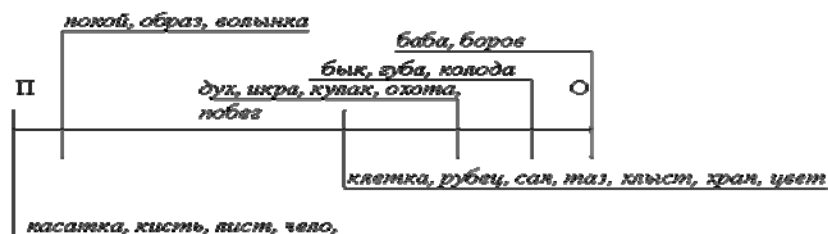

Рис. 10. Омонимия, развившаяся вследствие изменения статуса сем в разных значениях, на шкале «полисемия — омонимия»¹⁷

Главным итогом семантического анализа, проведённого в § 3, явился вывод о том, что омонимические ряды практически каждой из выделенных групп (и даже подгрупп) значительно рассредоточены по шкале «полисемия — омонимия» и подобная классификация, таким образом, не может быть действенным инструментом в руках лексикографа. Следовательно, составитель толкового словаря вынужден индивидуально подходить к каждой конкретной

¹⁷ *Баба* ‘женщина’ — ‘ударная часть молота’; *бык* ‘животное’ — ‘опора моста’; *волынка* ‘музыкальный инструмент’ — ‘хлопотное дело’; *губа* ‘часть тела’ — ‘морской залив’; *дух* ‘душевные свойства человека, моральная сила, бесплотное существо’ — ‘дыхание, запах, воздух’; *икра* ‘масса из яиц у животных’ — ‘мышца ноги’; *касатка* ‘вид ласточки’ — ‘ласковое обращение’; *кисть* ‘инструмент’ — ‘часть руки’; *клетка* ‘помещение со стенками из прутьев, квадрат разграфлённого пространства’ — ‘элементарная живая система’; *колода* ‘бревно’ — ‘комплект карт’; *кулак* ‘кисть руки со сжатыми пальцами’ — ‘богатый крестьянин’; *лист* ‘часть растения’ — ‘пласт какого-н. материала, документ’; *образ* ‘внешний вид, порядок чего-л.’ — ‘икона’; *охота* ‘желание’ — ‘выслеживание и умерщвление диких животных’; *побег* ‘бегство’ — ‘молодая ветка’; *покой* ‘отсутствие движения’ — ‘жилая комната’; *рубец* ‘след от раны, углубление’ — ‘отдел желудка жвачных животных’; *сан* ‘звук сопения’ — ‘заболевание у животных’; *таз* ‘сосуд’ — ‘часть скелета’; *хrap* (от *хrapеть*) — ‘часть переносья у животных’; *цвет* ‘свойство тела вызвать зрительное ощущение’ — ‘цветы на растении’; *чело* ‘лоб’ — ‘отверстие в печи’.

паре значений и игнорировать этимологию (поскольку в языке имеет место как семантическая дивергенция, расхождение значений, так и конвергенция, сближение этимологически не связанных единиц).

Кроме того, семантический анализ осуществлялся нами с опорой на собственный речевой опыт, который может не соответствовать речевому опыту среднего носителя языка (скажем, кто-то, в отличие от нас, может не увидеть сходства между *штыком*¹ и *штыком*², однако для него в то же время будет очевидна связь между *танком*¹ и *танком*²).

§ 4 посвящён анализу омонимических рядов, при вынесении вердикта по статусу которых субъективность если не исключена вовсе, то является значительно меньшей по сравнению с той, которая была неизбежна при семантическом анализе в § 3. Это ряды, в каждый из которых входит хотя бы один лингвистический термин (чаще всего — калька по происхождению): *вид* ‘то, что воспринимается взглядом’ — ‘разновидность’ — ‘категория глагола’, *дополнение* (от *дополнить*) — ‘член предложения’ (с франц. *complément* или нем. *Ergänzung*), *залог* ‘отданное имущество’ — ‘категория глагола’ (с греч. *diathesis*), *лицо* ‘часть тела; человек’ — ‘категория глагола’ (с лат. *persona*), *наречие* ‘совокупность говоров’ — ‘часть речи’ (с греч. *epirhema*), *обстоятельство* ‘условие’ — ‘член предложения’ (с нем. *Umstand* или франц. *circonstance*, которые, в свою очередь, также построены по образцу лат. *circumstantia*, греч. *peri-statis*), *окончание* ‘концовка’ — ‘морфема’, *предлог* ‘повод’ — ‘часть речи’ (с греч. *prothesis*), *предложение* (от *предложить*) — ‘единица синтаксиса’ (с лат. *propositio*), *приложение* (от *приложить*) — ‘член предложения’ (с лат. *appositio*), *причастие* ‘причащение’ — ‘часть речи’ (с лат. *metochē*), *род* ‘племя’ — ‘разновидность’ — ‘грамматическая категория’ (с греч. *genos*), *союз* ‘связь’ — ‘часть речи’ (с лат. *conjunctio*), *частица* ‘небольшая часть’ — ‘часть речи’ (с лат. *particula*)¹⁸.

Анализируя эти ряды, мы исходим из двух постулатов: 1) сам факт отнесённости значения к числу терминологических не свидетельствует автоматически в пользу его омонимии с общеупотребительным (вопрос об омонимии/полисемии должен решаться на собственно семантических основаниях); 2) определение термина в толковом словаре должно максимально соответствовать его научной дефиниции.

Именно поэтому ряды *окончание*^{1,2} и *частица*^{1,2} мы трактуем скорее как омонимические: *окончание*² не всегда является *окончанием*¹ (ср.: *дв-умя-стами*, *зл-ит-ся*), и вообще конституирующим для этого понятия является не положение в слове, а функциональный аспект (изменяемость при словоизменении); именно функционированием, а не размером отличается от прочих частей речи и *частица*², потому и это слово следует признать

¹⁸ Хотя в ходе анализа мы пришли к выводу о том, что в некоторых парах оба слова членимы, мы сочли возможным включить их в исследование, несмотря на чётко оговорённые критерии, поскольку сам тезис об их членимости требовал собственно семантических доказательств, по сути тех же самых, что и при вынесении решения о статусе соответствующих значений (омонимы или полисеманты?)

омонимичным слову *частица*¹. В то же время нельзя игнорировать тот факт, что большинство окончаний действительно находятся в конце слова (и являются *окончаниями*¹), а большинство частиц состоит из малого числа фонем (и похожи в этом смысле на *частицы*¹), поэтому нам кажется правильным расположить эти ряды в правой части шкалы, но всё же не в точке абсолютной омонимии.

Такое решение представляется логичным на фоне пар, внутри которых вообще невозможно обнаружить семантической связи: *залог*^{1,2}, *наречие*^{1,2}, *причастие*^{1,2}, *предложение*^{1,2}. С другой стороны, сразу в нескольких парах, несмотря на терминологичность одного из значений, наличествует довольно очевидная семантическая связь: метонимическая — в паре *лицо*^{1,2} и гипонимическая — в парах *вид*^{2,3}, *дополнение*^{1,2}, *приложение*^{1,2}, *обстоятельство*^{1,2} (данная пара уникальна тем, что в ней сразу оба члена являются кальками), *род*^{2,3}.

У членов пары *предлог*^{1,2} имеется относительно нетривиальная общая сема — ‘предшествование’. Однако в иерархии сем обоих слов она не занимает доминантного положения. *Предлог*¹ — это в первую очередь некая причина (пусть часто и выдуманная), которая, как и всякая причина, предваряет что-либо. *Предлог*² — это служебная часть речи, которая употребляется (в немаргинальных контекстах) перед знаменательным словом, но всё же в первую очередь характеризующаяся тем, что принимает определённое участие в синтаксических связях слов.

Пара *союз*^{1,2} могла бы занять место, максимально близкое к полюсу полисемии (очевидна метонимическая связь: *союз*² — это то, что делает возможным *союз*¹), однако мешает этому (и приближает данную пару к полюсу омонимии) книжная стилистическая окраска первого значения: возникают стилистические трудности для того, чтобы назвать связь между членами предложения *союзом*, однако чисто семантически такое вполне возможно, потому мы располагаем это слово в левой части шкалы, однако на значительном отдалении от полюса многозначности.

Итоговый вид шкалы с расположенными на ней рядами таков:

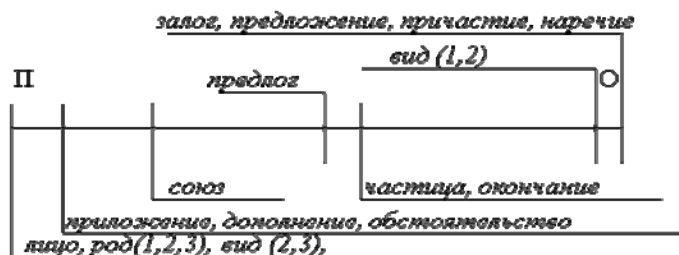

Рис. 10. Ряды, в которых хотя бы один из членов является лингвистическим термином, на шкале «полисемия — омонимия»

Семантический анализ, осуществлённый в третьей главе, позволил нам сделать ряд важных выводов: 1) лексикографу и составителю словаря приходится применять индивидуальный подход к каждому спорному случаю при решении вопроса полисемии/омонимии; 2) объективно существующая в

языке недискретность явления неоднозначности (которое не исчерпывается только омонимией и полисемией) должна адекватнее, чем сейчас, отражаться в толковых словарях; 3) анализ, производимый с опорой на собственный языковой опыт, часто субъективен (за исключением сравнительно небольшой группы терминологической лексики) и лексикограф должен обращаться к ПЯС для проверки своих выводов.

Описанию методики сбора этих показаний в аспекте нашей проблематики (§ 1), а также тестовой демонстрации применения этой методики (§ 2) посвящена четвёртая глава **«Роль психолингвистического эксперимента и показаний языкового сознания носителей языка в решении проблемы разграничения омонимии и полисемии»**.

Опираясь на работы мотивологов (в первую очередь — О. И. Блиновой¹⁹), для которых характерно применение подобных подходов, а также учитывая отрицательные результаты аналогичного эксперимента, проводившегося в середине XX в. М. Г. Арсеньевой, Т. Г. Строевой и А. П. Хазанович²⁰, мы разрабатывали нашу методику, исходя из того, что, во-первых, мы должны получить «усреднённую» языковую реакцию по каждой интересующей нас паре значений, во-вторых — из того, что для любого носителя языка характерно стремление к этимологизации (зачастую ложной) и надуманным трактовкам (тождество формы предполагает тождество содержания). Для того чтобы выправить этот «крен», мы приняли сразу несколько мер. Во-первых, мы предварили опросник обширной инструкцией, в которой красной нитью проходит мысль о том, что слова могут совпадать по форме «просто так». Во-вторых — предложили «непровоцирующую» формулировку вопроса: «Как Вы считаете, есть ли основания для того, чтобы явления X и Y называть одинаково, есть ли между ними что-то общее? Если да — то почему, на Ваш взгляд, эти явления называются одинаково?». В-третьих, в случае положительного ответа на эти вопросы, мы предложили оценить обнаруженную связь по шкале от 1 до 5, где 1 — неочевидная, надуманная, едва обнаруживаемая, непрочная, 5 — очевидная, очень прочная (необнаружение семантической связи оценивалось 0).

В результате шкалирования респондентами их собственных ответов мы можем не просто получить трактовку (или трактовки), но и среднюю оценку прочности этой семантической связи в сознании рядового носителя. Если один из обнаруженных семантических переносов является к тому же регулярным в языке (на регулярность его проверяет сам исследователь, без помощи информантов), то полученный результат увеличивается на 1 балл. Таким образом, «коэффициент семантической слитности» (КСС) может варьироваться от 0 до бесконечности (скажем, если каждый из респондентов дал сразу три трактовки, оценив каждую из них 5 баллами, и хотя бы один из этих переносов является регулярным в языке, то $KCC = 16$; однако это чисто гипотетическая

¹⁹ См., например: Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Томск, 2007. 394 с.

²⁰ Арсеньева М. Г., Строева Т. В., Хазанович А. П. Многозначность и омонимия. Л., 1966. С. 5.

ситуация, и на практике КСС по той или иной паре едва ли может превысить 6). Если $KCC < 2$, то рассматриваемая пара значений омонимична, если $KCC \geq 4$, то перед нами значения одного слова, а если пара значений имеет $2 \leq KCC < 4$, то она относится к переходному классу и должна подаваться в словаре особым образом — во-первых, чисто визуально, графически, во-вторых — с обязательной семантической мотивировкой, указываемой для производного значения.

Информантам (в качестве которых выступали студенты и выпускники филологических факультетов) предлагалась компьютерная анкета (файл Word), в которой для каждой пары значений приводились их толкования, примеры и — в некоторых случаях — фотоиллюстрации. Приведём фрагмент этой анкеты:

<p>Бюро</p>	<p>1. Название некоторых учреждений.</p> <p><i>Б. находок. Б. добрых услуг.</i></p>	<p>2. Конторка, стол для письменных занятий и хранения бумаг, с ящиками и обычно с крышкой.</p> <p><i>Сидеть за б. Положить бумаги в б.</i></p>
<p style="text-align: right;">Оценка (от 1 до 5)</p>		

Рис. 11. Фрагмент компьютерной анкеты

По данной паре нами было получено две трактовки: метонимическая «*бюро*² находится в *бюро*¹» ($KCC = 1,03$) и метафорическая «*бюро*², так же как и *бюро*¹, характеризуется чёткой структурой, организацией, а также связано с официальной деятельностью, документооборотом» ($KCC = 1,6$). Итоговый КСС получается равным 2,63, то есть пара попадает в промежуточный класс. (Следует отметить, что каждый из приведённых переносов регулярен в языке: ср. такой же метафорический перенос в паре *бар* ‘ресторан’ — *бар* ‘буфет, шкаф и т.п. для хранения спиртных напитков’ и такой же метонимический перенос в паре *стол* ‘предмет мебели’ — *стол* ‘учреждение’, и итоговый КСС мог бы быть увеличен ещё на один балл, однако проверять таким образом целесообразно только те пары, КСС которых варьируется в пределах от 1 до 2 и от 3 до 4: в противном случае та или иная пара значений (в том числе и рассматриваемая сейчас) всё равно останется в том же самом разряде).

Для подачи рядов значений, относящихся к этой группе, мы предлагаем оформлять одну словарную статью, заглавное слово давать без числовых индексов, а соответствующие значения подавать под римскими цифрами (в отличие от значений обычного полисеманта, которые подаются под арабскими цифрами; если в слове наличествуют «пучки» значений, то они подаются под

римскими цифрами, а значения внутри этих пучков — под арабскими). Для приведённого нами примера оформление вокабулы будет выглядеть так:

БЮРО, *нескл., ср.*

I. 1. В нек-рых организациях: группа руководящего состава. *Обсудить на б. (на заседании бюро).*

2. Название некоторых учреждений. *Б. находок. Б. погоды. Б. добрых услуг.*

II. Конторка, стол для письменных занятий и хранения бумаг, с ящиками и обычно с крышкой. *Купить новое б. Положить бумаги в б.* [как и *бюро I*, связано с документооборотом, характеризуется чёткой организацией рабочего пространства/процесса].

(Соответственно, если бы мы имели два омонима, то оформлялись бы две словарные статьи и заглавное слово писалось бы дважды, с цифровыми индексами: БЮРО¹, БЮРО² или 1. БЮРО, 2. БЮРО).

Всего нами было получено 1230 языковой реакций (30 информантов, 41 пара значений), для каждой пары был вычислен итоговый КСС, с учётом «частных» КСС, полученных по каждой из предложенных информантами трактовок, представлены образцы лексикографирования нескольких промежуточных случаев.

В **Заключении** подводятся итоги работы, а также обрисовываются перспективы дальнейших исследований в данном направлении. В качестве главных результатов нашего исследования мы можем назвать вывод о существовании в языке градуальной шкалы «полисемия — омонимия» и о вытекающей из него необходимости введения дополнительного способа оформления в словаре «промежуточных» случаев, а также признание необходимости обращения к речевому опыту как можно большего числа носителей языка (за исключением анализа специальной лексики).

Мы считаем, что предлагаемый нами подход к определению семантической связи между значениями и её шкалированию (в целях более адекватной подачи в толковом словаре неоднозначных единиц) обладает по сравнению с более традиционными методами двумя преимуществами: во-первых, он универсален (мы можем получить языковую реакцию респондента по любой паре значений), во-вторых — более объективен в том смысле, что предполагает опору на языковой опыт значительного числа носителей языка. Однако применять этот подход следует крайне осторожно: его использование должно сопровождаться введением многочисленных, собственно научных, «фильтров», с одной стороны — в процессе отбора материала, по которому предполагается проводить опрос (следует проверять только спорные случаи), с другой стороны — в процессе обработки данных (следует отсеивать, то есть оценивать нулём, трактовки, в которых обнаруживается незнание респондентом реалии, называемой рассматриваемым словом, а также проверять перенос на регулярность).

Мы далеки от мысли о том, что описанная нами методика сбора данных идеальна, может в её текущем виде быть использована при составлении

толковых словарей и что полученные нами данные о тех парах значений, которые мы предлагали информантам, обладают свойством репрезентативности и могут включаться в словари как абсолютно адекватные и окончательные. Мы считаем ценной саму идею о необходимости такого подхода, и эту идею мы постарались аргументировать на страницах нашего исследования и дать демонстрационные образцы её реализации в Главе 4.

Поэтому совершенствование методики (в первую очередь, с точки зрения формы: формулировки заданий, иллюстративный материал, возможность и целесообразность проведения устного опроса), решение вопроса о границах её применимости (применима ли она к членимым словам, к словам других частей речи?), о числе респондентов, необходимом для того, чтобы полученные сведения были репрезентативны, возможная адаптация методики для нефилологов, уточнение пропорции между ролью собственно научных, лексикологических методов и ролью метода психолингвистического эксперимента в исследовании при сохранении принципиальных моментов (получение от респондента развёрнутого ответа, его оценка им, анализ исследователем полученного переноса на регулярность) — вот те основные векторы, по которым должна развиваться разработка проблематики, связанной с разграничением омонимии и полисемии, в дальнейшем.

Предложенная нами методика довольно гибка в том смысле, что допускает возможность трансформации и «обогащения» новыми переменными: если исследователь придерживается отличных от наших общетеоретических установок, в этом случае он может видоизменить формулу расчёта КСС, предложив дополнительный параметр (условно: при различиях в словоизменительных парадигмах КСС уменьшается на единицу).

Кроме того, что данные, полученные в результате применения этой «отшлифованной» методики, могут быть использованы при подаче омонимов и многозначных слов в толковых словарях, богатый материал для исследования получают и лексикологи, у которых появится возможность комплексного исследования значительного лексического массива на предмет тенденций и закономерностей, действующих в лексической семантике, с позиций антропоцентрического подхода.

В **Приложениях** содержится иллюстративный материал (схемы), выборка лексического материала из словарей, инструкция к анкете, образец заполненного опросника.

Основные результаты работы отражены в следующих публикациях:

1. В изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Грамматические термины-кальки // Русская речь. 2013. № 5. С. 42—51.
2. Роль метафоры и метонимии в формировании значений лексемы *дом* в русском языке // Русский язык в школе. 2014. № 3. С. 75—80.
3. Проблема разграничения омонимии и полисемии применительно к практике составления толковых словарей // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. №2. С. 44—53.

2. В сборниках материалов научных конференций

4. Метафора и метонимия в процессе формирования ядра концепта «ДОМ» в русском языке // Материалы 58-й научной студенческой конференции, посвящённой 70-летию ПГПУ им. В. Г. Белинского. Сборник научных работ студентов университета. Пенза: ПГПУ, 2009. С. 16.

5. К вопросу о разграничении омонимов и многозначных слов в русском языке: разные походы к решению проблемы // Материалы 59-й научной студенческой конференции, посвящённой 65-летию победы в Великой Отечественной войне. Сборник научных работ студентов университета. Пенза: ПГПУ, 2010. С. 13—14.